

Обугленные страницы

Страницы, приютившие истории
теперь в поисках дома

Картины на стенах молчат -
их оставили скорбеть.

Тишина обретает власть,
обнаженные кости книг
говорят на диалекте вакуума,
втягивая внутрь себя
этих глашатаев
чтобы их же тирады и провокации
эхом разорвали им
 барабанные перепонки.

Книги все еще там
со всем, что от них осталось

что можно почитать в одиночестве
о чем можно подумать после хаоса.

Бисквитная фабрика

Бисквитная фабрика
все еще источает запах выпечки
своим проржавевшим металлом.

Земля поглотила то, что осталось
не в силах лишь забрать ее дыхание.

Размытые лозунги на ее стенах –
как старые раны –
 всё жаждут заживления.

Она питается временем,
 чтобы сбросить краску
и обнажить кирпичи –

Как дерево хочет сбросить листья
пока мы не видим.

Дедушкина веранда

Мой дедушка любил сидеть на выступе
веранды в нашем старом доме.
Он слегка кивал знакомым,
идушим мимо на пашню,
глядя через дорогу.

Я вспоминаю дедушку в его последние дни,
прикованным к постели, на кровати,
что служила ему ложем больше шестидесяти лет.

Теперь и я часто сижу на открытом балконе
нашего дома. Редкие прохожие машут мне.
Некоторые улыбаются, другие просто идут мимо.

Я буду сидеть здесь, пока они не станут
такими же, как мой дедушка на своей веранде
в глазах тех, кто видел его там –

неизбежные картины мест, где мы живем,
безутешное прощание задолго до нашего ухода.

Ночной гудок парома

Каждую ночь примерно в два
паром заявляет о своем присутствии.
Его низкий гудок, как полночный клич
старого ночного стража, дерзок и громок.

Еле уловимый образ текущей воды
вдруг обретает четкие черты
под закрытыми веками тех,
кто превозносит ночь.

Далекий вой бродячих собак
не нарушит тишины
в своей вялой непокорности.

Жизнь, сотканная из тревог и апатий
рыхлится по краям, ищет равновесия
складывает воспоминания
в карточный домик,
что рассыпается с каждым гудком
и со вздохом собирается снова.

Такими ночами, пронизанными
гудками парома,
цветки с оторванными лепестками
смирненно прижимаются к стеблям.

Восхождение

Деревья растут там,
куда падают их семена –
от несчастных в забытых горшках
до тех, что в осиротевших депо.

Они рассказывают тёмные
сказки ленивому воздуху,
но тот неподкупен.

Те, кому повезло
вырасти в заброшенных
зданиях,
говорят летящим
семенам одуванчиков
о своих владениях..

Их будущее – как шляпка
в тумане прилива.
Их желания – как мысли,
рожденные из глубин
жизни зарослей,
вырванных с корнем.

Деревня моей матери

Если будете в деревне моей матери
Вы не увидите там ничего приметного.
Баньян, что старше
мыслей моего прадеда,
пару домов, что старше некоторых городов,
храм, рожденный раньше моей матери
и рисовые поля, уходящие далеко
за горизонт желаний тамошних крестьян.
Нет в ней ничего приметного
и для меня. Я чувствую себя старше
родительского дома.
И все же если вы там будете,
заберитесь на крышу в дождливый день,
послушайте, что шепчет листьям дождь
и посмотрите, как деревню
убаюкивают джунгли.
Нет в ней ничего приметного –
Но простота эта кажется дороже жизни –
Перышко в порывах ветра.

Где я сейчас

«Арабские Ночи», «Денвер», «Четыре Брата»
в одиноком бокале бликами играет виски
засасывает все глубже в боль ностальгии
с каждым порывом сухого зимнего бриза
растворяется еле уловимым шелестом
увядших листьев в промозглую полночь.

Отдаюсь во власть причудливых ритмов,
во мне разгорается танец
в паре с дамой из моих фантазий
в отражении бокала.

Раненая бабочка бьется в его прозрачном плену,
не давая сделать последний глоток.

Она напоминает мне о том, где я сейчас.

Визит в старый дом

Настенный календарь к ногам роняет дни.
Страницы детства коротки у памяти. Они
Кружатся на ветру, противятся земле,
Но тщетны их мольбы, им суждено истлеть.

Четыре резвых скакуна на фото на стене,
Два тигра на другом, чуть выше в стороне,
Висят все там же, где всегда висели,
Как слепки дней, с годами потускнели.

Они меня уносят прочь, где солнце и песок
Хотят обжечь сильнее мой ноющий висок,
Где я лежу, как шип от кактуса, ничей,
И негде скрыться мне от солнечных лучей.

Я выбрал путь сквозь обещаний миражи,
И воздух от жары трепещет и дрожит.
Мне в собственной тени бы дух перевести
И дальше хоть чуть-чуть еще пройти.

